

Сабрина Филипп

Дом на окраине Парижа

израненные души
встретятся вновь

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ф53

ET QUE NOS ÂMES REVIENNENT

par Sabrina PHILIPPE

© Flammarion, Paris, 2019

Филипп, Сабрина.

Ф53 Дом на окраине Парижа. Израненные души встретятся вновь / Сабрина Филипп ; [перевод с французского Ю. М. Воробьевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Print Mint. Книги с ароматом счастья).

ISBN 978-5-04-246145-3

Вторая книга Сабрины Филипп, автора бестселлера «Кафе на острове Сен-Луи», покорившего более 120 000 читателей в России.

Ей казалось, она встретила мужчину мечты: красивый, успешный, галантный. Он осыпал ее подарками, возил по всему миру и клялся в вечной любви. Она переехала к нему, ушла с работы, сбежала от одиночества — и угодила в ловушку. Холодность, жестокость, тотальный контроль, а затем опять признания в любви... Она пыталась уйти, но он возвращал ее снова и снова. Словно какая-то неведомая сила привязала их друг к другу.

«Дом на окраине Парижа» — психологический роман о том, как токсичные отношения становятся кармической петлей. Как травма передается через поколения. И о том, что разорвать этот круг можно, только вспомнив... и пропустив.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Воробьева Ю. М., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-246145-3

Той, которая дала мне все
1938–2017

Эта книга — художественный вымысел. Все имена собственные, персонажи, места действия, события являются плодом воображения автора либо вписаны в контекст художественного произведения. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или усопшими, компаниями, событиями или местами случайны.

Однако упомянутые в ней исторические факты были подвергнуты тщательному анализу. Если, несмотря на все наши усилия, вы найдете в тексте неточность или ошибки, просьба сообщить об этом издателю для внесения поправок.

От автора

Есть любовь, что влечет нас к тьме, пробуждает худшее, ведет к гневу и слезам.

Есть люди, которые словно выжидают момент, чтобы нас разрушить, чей ангельский лик со временем открывает личину дьявола, от которого нет спасения.

Есть союзы несчастливые, опустошающие, губительные, из которых мы порой не в силах вырваться.

Есть любовь, которая ей только кажется, но такой не является.

Я могла бы рассказать о том, что повстречала на своем пути множество женщин и мужчин, неспособных уйти от страданий и живущих нескончаемой надеждой на спасительное чудо, на счастливый исход истории, в которой одна лишь боль.

Я могла бы рассказать, что одним из них смогла помочь разорвать эту токсичную связь, а другим не удалось убежать, и они продолжают ежедневно пить это лишшающее сил горькое зелье, подносимое с улыбкой их мучителями.

Но лучше я поведаю вам одну историю, проведу вас по дорогам моей жизни, чтобы те, кто узнал себя на этих страницах, смогли понять... и уйти.

К тому же и пусть первые слова этой книги станут тому порукой, мы стоим на пороге новой эры...

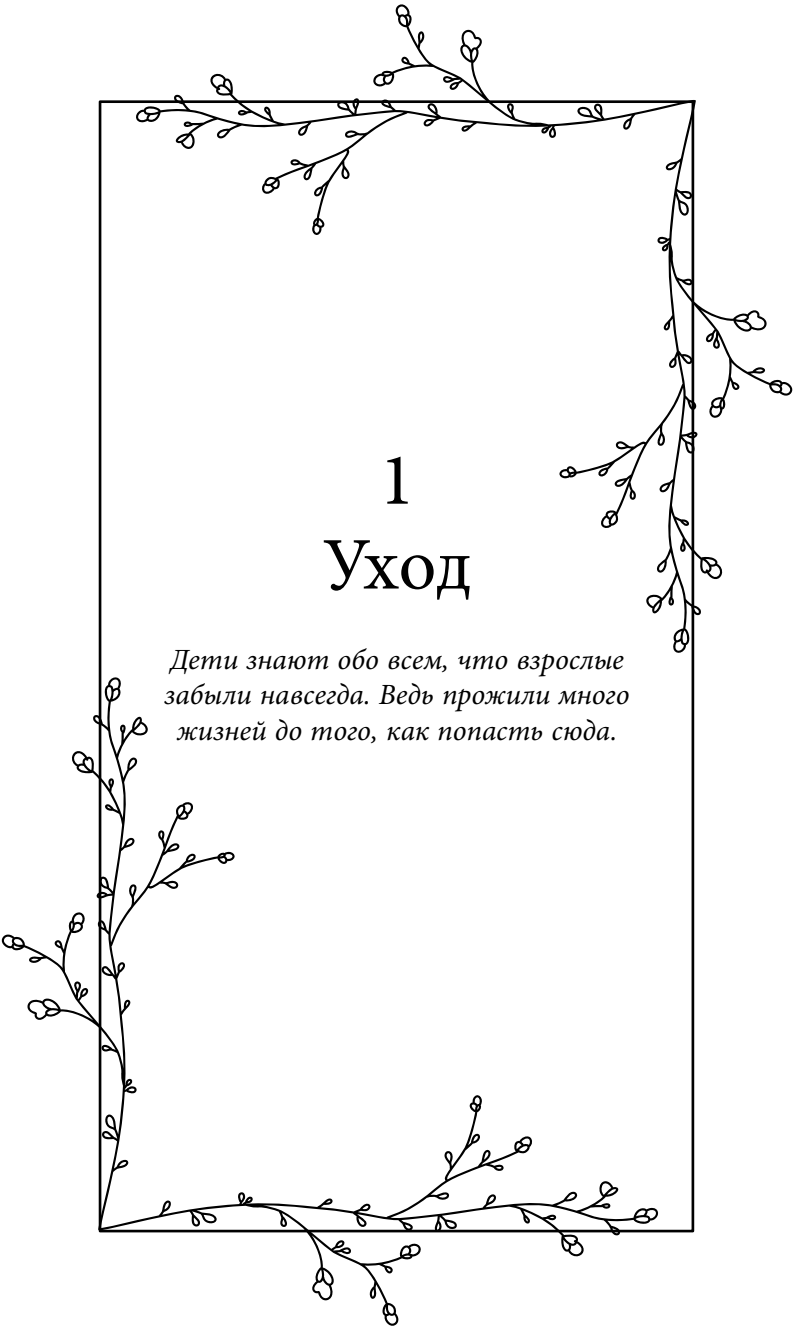

*Я шепчу, и мой голос едва уловим,
Верь, души друг друга отыщут всегда
С моим первым вдохом, последним твоим.
И пусть времени бег неумолим,
Ты любил, ты веками был мною любим,
Мы не расставались с тобой никогда.*

*Я была твоим светом, ты моим маяком,
Озаряя друг друга зарницами,
Наши души в танце межвременном
Сквозь пространство парили жар-птицами.*

*Любовь к тебе я пронесу сквозь вечность.
Ты тот, кто научил меня летать.
Твое достоинство, твою сердечность,
Твой дар другим мне должно передать.
Сквозь первый вдох и вдох последний
«Прощай» нам здесь не суждено сказать.*

*Ждешь меня, где покой свой найдет пилигрим,
Где горит утешенья звезда.
Шепчешь ты, и твой голос едва уловим.
Верь, души отыщут друг друга всегда.*

1 Уход

*Дети знают обо всем, что взрослые
забыли навсегда. Ведь прожили много
жизней до того, как попасть сюда.*

Я всегда знала, что все будет именно так: я буду стоять на верхней ступеньке этой лестницы, одетая в черное, раздираемая невыносимой болью, на самом краю бездны, готовая упасть.

Я всегда знала, слушая гудение тяжелых колоколов из окна своего маленького кабинета, где вела прием: скоро они зазвонят и по ней. В эти моменты слова пациентов на пару секунд растворялись в тишине, и я отчетливо видела себя на той церковной лестнице, закутанную в свою печаль... Потом возвращалась к ним и к их горестям, чтобы забыть о своих.

Я не понимала, как смогу это пережить.

Это было ирреальное, призрачное, но все же неизбежное видение, потому что она старела, слабела, хоть и пыталась скрыть это от меня, насколько могла. Мы так сильно любили друг друга, что от-

казывались — она, утаивая, я, отрицая — признать очевидное: когда-нибудь нам придется расстаться, и этот день близок.

Моя мама, моя ближайшая подруга, ушла, оставив меня одну на этой паперти, где собрались отдать ей последнюю дань уважения все наши друзья, соседи и несколько дальних кузенов, чьи лица казались мне смутно знакомыми.

Она жила в одиночестве и только ради меня, моего благополучия и успеха. Она посвятила мне всю свою жизнь, и я никогда до конца не понимала почему. Я всегда чувствовала ее поддержку, ее безоценочное восхищение, которое зажигало мой внутренний огонь, и я всегда радовалась тому, что она мной гордится. Каждую свою победу я приносила к ее ногам как трофей, в знак оправдания ее жертвы — жертвы, о которой я не просила, но которая все же была моей движущей силой.

Три года назад я решила перевезти свой психологический кабинет на одну лестничную площадку с ее квартирой, чтобы иметь возможность быть рядом. В этой квартире я выросла: такое возвращение в детство давалось мне непросто, но я старалась не обращать на это внимания. Во сколько бы ни начинался прием, я всегда приезжала рано утром, чтобы сначала зайти к маме. Подходя к родному дому, я, затаив дыхание, находила глазами ее окно.

Открыты ли ставни? Горит ли свет? Здесь ли она еще? А потом с облегчением ускоряла шаг, чтобы скорее ее увидеть.

Незримый счетчик в моей голове неумолимо отстукивал дни и часы, которые мы еще могли быть вместе.

Пока еще вместе... За каждой чашкой кофе или совместной трапезой я внутренне улыбалась тому, что она рядом, мы с упоением болтаем, смеемся и смотрим друг на друга с особым участием, которое я ощущала только рядом с ней. И вот я уже наливаю еще одну чашечку кофе, помешиваю ложечкой, стараюсь продлить эти мгновения, насколько возможно. Не замечаю старомодной мебели вишневого дерева, опираясь на которую я сделала свои первые шаги. С тех пор там ничего не изменилось, кроме наших лиц, отмеченных временем и излучающих умиротворение.

Постепенно напряжение этих совместных мгновений только усиливалось. Время поджигало, сгущалось, и когда пришло известие о ее операции, пусть и рядовой, по мнению врачей, мы все поняли. Не признаваясь в этом друг другу, говоря полунамеками, мы обе в глубине души знали, что час настал.

За те две недели в реанимации, в редкие минуты, когда ее сознание прояснялось, мы успели проговорить, как сильно любим друг друга. Эта полная до-